

Марк Меламед

Демократия или стабильность: нужно ли выбирать между ними?

Окончание «холодной войны» породило самые радужные надежды на то, что России и Западу удастся, наконец, покончить с враждой, существовавшей между ними в течение полувека, и перейти к политике подлинно конструктивного сотрудничества. Обе стороны рассчитывали, что российские реформы и сотрудничество на мировой арене принесут с собой значительные потенциальные выгоды. С тех пор, однако, эйфории, вызванной на Западе крушением Советского блока, заметно поубавилось, а на смену ей пришла растущая неуверенность относительно того, что, собственно, возникло на месте этого блока. Политическая и экономическая трансформация в России происходила не столь быстрыми темпами и не столь радикально, как в Центральной и Восточной Европе, и в определенных кругах все более скептически оценивают приверженность России идее осуществления этих реформ. Переходный период для России еще далеко не закончился, а потому отношения ее с Европой и США пока что не получили своего окончательного оформления. Политики в Америке, ЕС и самой России сталкиваются со все возрастающими трудностями в определении того курса действий, который мог бы оптимальным образом обеспечить интересы их стран в контексте отношений между ними.

Жизнеспособность и качество российской демократии горячо обсуждались на протяжении всех пятнадцати лет ее существования; особенно же оживленной эта дискуссия стала в

период президентства Владимира Путина. Когда советское господство в регионе рухнуло и по Центральной Европе прокатилась «третья волна» демократизации, как назвал происходившее тогда Семюэль Хантингтон, наблюдатели склонны были питать надежду на то, что общий поток перемен охватит и саму Россию. Теперь становится все более сомнительным, чтобы процесс этот действительно осуществился теми темпами и с той полнотой, как ожидалось.

Более того, в то время как истинность российской демократии все еще находится под вопросом, остается столь же неясным и отношение к ее развитию со стороны США и Европы. В годы «холодной войны» творцы американской внешней политики были больше всего озабочены сохранением устойчивости союзных США режимов – даже если устойчивость эта обеспечивалась авторитарными правителями; это считалось более важным, чем проведение демократических реформ, которые могли бы подорвать приверженность той или иной страны союзу с Западом в его идеологической войне с Востоком. Сегодня в международных делах повсеместно господствует демократическая риторика (особенно привержены ей американские политики); но, когда речь заходит об оказании реального давления на правительства других стран с целью побудить их провести демократические реформы, Запад зачастую предпочитает, как и раньше, ослабить нажим, руководствуясь своей приверженностью идее стабильности и исходя из той точки зрения, что демократические реформы и стабильность не всегда удобосочетаемы. Сложности в отношениях между демократией и стабильностью возникли, в частности, и в России, когда правительство Путина приступило к надзору за быстро развивающейся российской экономикой, одновременно консолидируя свое политическое влияние путем ликвидации «сдержек и противовесов» президентской власти. Автор данной статьи ставит перед собой задачу проанализировать нынешнее состояние российской демократии и то влияние, которое оно оказывает на отношения между Москвой и Западом – Европой и США.

Развитие демократии в России

Несмотря на все заверения Путина, что Россия осуществляет принципы демократии, идя в этом направлении своим путем, остается решительно неясным, в какой степени смогла укорениться в постсоветской России любая из традиционно узнаваемых форм демократии. Возникшая в этой стране система (хотя и основанная на выборах и голосовании) явно не гарантирует населению тех свобод, которые являются важнейшим элементом демократий в США или Западной Европе, или хотя бы тех демократий, которые закрепились в посткоммунистической Центральной Европе. Даже выборы 1996 г., когда Борис Ельцин был вторично избран на пост президента, оказались омраченными сообщениями о запугивании средств массовой информации и широко распространенном использовании «административного ресурса» в ходе предвыборной кампании Ельцина¹.

Президентство Путина характеризуется еще более вопиющим пренебрежением к независимым средствам массовой информации, централизацией политической власти и уменьшением гарантий соблюдения личных свобод и неприкосновенности частной собственности. Соглашение между Путиным и олигархами ельцинской эры позволило им сохранять свое богатство – возникшее, прежде всего, в ходе далеко не безгрешной приватизации 1990-х гг. – при условии, что они не будут участвовать в политике. С теми, кто решил пренебречь условиями этой сделки, власти поступают весьма круто: самый наглядный тому пример – это принимавший подчас черты фарса судебный процесс против главы «Юкоса» Михаила Ходорковского, которому были предъявлены явно сфабрикованные обвинения. Одновременно наблюдается постепенное исчезновение или кооптация нелояльных государству органов массовой информации, а российские регионы все более ограничиваются в правах и лишаются своей автономии по мере

¹ T. Beichelt, *Autocracy and Democracy in Belarus, Russia, and Ukraine* // „Democratization”, no. 11, December 2004, p. 122.

того, как политическая власть целенаправленно централизуется в Москве².

Все это способствовало появлению мнения, что российские лидеры продолжают видеть в установлении демократических норм не самоцель, к которой следует безусловно стремиться, а всего лишь средство для достижения совсем других целей. Создается впечатление, что тамошние власти не придают большого значения личным свободам, ограничению государственной власти, проведению выборов на основе честного состязания сторон и другим типичным характеристикам традиционных демократий. Напротив, выборы и публичные заявления во славу демократии используются ими всего лишь как полезные инструменты для легитимирования российского правительства. «Для тех, кто стоит у руля, демократия не является ни добром, ни злом. Она видится ими как экзистенциальное порождение более мощных сил, с которыми, подобно силе тяжести, справиться невозможно, но которые можно, если подойти к делу достаточно умело, обуздать и использовать в собственных целях»³.

Любопытен тот факт, что эта тенденция, по-видимому, не вызывает у большей части российского общества никаких серьезных опасений⁴. Первый опыт демократии, полученный этим обществом, характеризовался неустойчивостью ельцинской администрации, сомнительной во многих отношениях приватизацией и ничем не сдерживаемым и зачастую коррумпированным капитализмом, создавшим колоссальные богатства для немногих избранных, но ничего не сделавшим для смягчения тех трудностей, которые испытывало население

² J. Sleivyte, *Putin's Regime and Consolidation of the State* // „Baltic Defence Review”, no. 12, June 2004, p. 63-71; T.J. Colton, M. McFaul, *Russian Democracy Under Putin* // „Problems of Post-Communism”, no. 50, July/August 2003, p. 15.

³ T.J. Colton, M. McFaul, *Russian Democracy Under Putin*, p. 13.

⁴ Согласно проведенному в 2004 г. опросу, лишь 22% русских выразили свое «предпочтение демократии», в то время как 53% отрицательно оценили этот тип государственного устройства. Кроме того, 88% респондентов отдавали предпочтение стабильности перед демократией. См. R. Pipes, *Flight From Freedom* // „Foreign Affairs”, May/June 2004, p. 11.

в целом. И сегодня российское население ассоциирует демократию именно с этой коррупцией, нестабильностью и неравенством⁵. Неудивительно, что значительное большинство россиян не испытывает особого желания сохранять у себя в стране подобную систему.

Фактически именно наличие этой тенденции и привело к тому, что некоторые эксперты стали задаваться вопросом: стоит ли Западу так давить на Россию, настаивая на проведении демократических реформ. Указывая на отсутствие подлинно либеральной альтернативы существующему режиму и приводя в пример азиатские экономики, быстро развивавшиеся под началом недемократических правительств, сторонники путинской администрации утверждают, что ужесточение президентского контроля в сфере российской политической жизни является необходимым злом, без которого нельзя стабилизировать ситуацию в стране и заложить основы устойчивого развития экономики⁶. Далее аргументация идет в следующем русле: устойчивое экономическое развитие, в свою очередь, необходимо потому, «что для того, чтобы понятие „демократия“ обрело в России хоть какой-нибудь смысл, Кремлю следует сначала создать такие условия, в которых большинство россиян почувствовало бы, что судьба страны зависит и от них самих»⁷.

Тем не менее, предполагаемая положительная взаимосвязь между авторитарностью правительств и быстрым экономическим ростом отнюдь не бесспорна. Например, в посткоммунистической Европе быстрая демократизация, как представляется, была тесным образом связана со столь же быстрой и успешной экономической перестройкой. Более того, многие из действий Путина, вызывающих столько подозрений за

⁵ A. Pushkov, *Putin and His Enemies*, p. 55; T. Beichelt, *Autocracy and Democracy*, p. 126-127.

⁶ P. Lavelle, *What Does Putin Want?* // „Current History“, October 2004, p. 314-318; A. Lieven, *The Essential Vladimir Putin* // „Foreign Policy“, January/February 2005, p. 72-73; A. Pushkov, *Putin and His Enemies*, p. 53.

⁷ P. Lavelle, *What Does Putin Want?*, p. 318.

рубежом, едва ли соответствуют логике экономического развития; весьма часто они, скорее всего, препятствуют росту экономики. Так, война в Чечне, которую Путин склонен продолжать, невзирая на возражения со стороны международного сообщества, и в первую очередь Европы, является бесспорным бременем для российского бюджета. А «дело Юкоса», несмотря на все утверждения сторонников режима, что оно сделает олигархов более покладистыми в деле уплаты налогов и заставит их послушно соблюдать российское законодательство⁸, вполне рискует отпугнуть международных инвесторов, сомневающих в приверженности путинской администрации принципу неприкосновенности частной собственности. Фактически бегство капиталов из России в 2004 г. выразилось цифрой в 8 миллиардов долларов, тогда как в предыдущем году этот показатель составил лишь 2,9 миллиардов долларов⁹.

Кроме того, многие комментаторы высказывают сомнения, что российский экономический рост является в равной мере следствием либеральных реформ и высоких цен на нефть. Хотя рост на «дрожжах» нефтяного бума и может, в принципе, создать обстановку, благоприятную для более глубоких перемен в экономике, у России по-прежнему нет ни эффективно работающего бюрократического аппарата, ни правовых институтов, необходимых для того, чтобы обеспечить процветание свободной рыночной системы¹⁰. Тем временем, несмотря на утверждения некоторых аналитиков, что любой вид экономического роста с неизбежностью приведет к возникновению среднего класса, который, в свою очередь, потребует политической либерализации¹¹, практически никаких свидетельств о существовании в российском обществе подобной тенденции все еще не наблюдается. Путин и его тактика

⁸ *Ibidem*, p. 315-316.

⁹ P. Finn, *Putin Touts Rule of Law to Reassure Investors* // „The Washington Post”, 25 April 2005. M. McFaul, *Reengaging Russia: A New Agenda* // „Current History”, October 2004, p. 308-309.

¹⁰ J. Sleivyte, *Putin's Regime and Consolidation*, p. 65.

¹¹ T.J. Colton, M. McFaul, *Russian Democracy Under Putin*, p. 19.

остаются исключительно популярными среди российских избирателей, хотя экономический рост и ускорился, а политическая власть все более сосредотачивается в руках президента.

Неоднозначность результатов, достигнутых Россией в ходе ее посткоммунистического переустройства, не может не вызывать опасений, выходящих за рамки внутрirosсийской ситуации и ее непосредственных проблем. Политике, проводимой США и Европой в отношении России с момента завершения «холодной войны», тоже свойственны успехи и неудачи, и результаты ее в равной степени неоднозначны. Риторика всегда была безупречно промосковской, но конкретных результатов предполагавшееся ею сотрудничество с Россией зачастую не приносило. По мере нарастания страхов за судьбу российских демократических и экономических реформ действия американских и европейских политиков в их отношениях с Кремлем становились, на наш взгляд, все более двусмысленными. Неуверенность в ситуации с переустройством России и отсутствие согласия относительно того, сколь энергично следует акцентировать необходимость проведения либеральных реформ в России, привели Запад к возобновлению дискуссии о его отношениях с бывшим противником времен «холодной войны».

Европейский союз и Россия

Рамки сотрудничества между ЕС и Россией были установлены Соглашением о партнерстве и сотрудничестве, подписанном в 1994 г. и вступившим в силу в 1997 г. В основу этого соглашения была положена задача создания «общей зоны свободной торговли» между ЕС и Россией, а также всестороннее усиление их экономического и политического сотрудничества¹². По мере роста ЕС, включившего в свой состав

¹² Т. Romanova, N. Zaslavskaya, *EU-Russia: Towards the Four Spaces* // „Baltic Defence Review”, no. 12, June 2004, p. 84; T. Forsberg, *The EU-Russia Security Partnership: Why the Opportunity was Missed* // „European Foreign Affairs Review”, no. 9 (2004), p. 253.

несколько стран из числа бывших участников «коммунистического блока» и даже ряд государств, имеющих с Россией общую границу, экономические связи между двумя сторонами приобретали все большее значение, и теперь, после последнего раунда расширения Евросоюза, состоявшегося в 2004 г., на ЕС приходится уже примерно половина всего российского экспорта¹³.

Со своей стороны, ЕС видит в более тесных экономических связях с Россией несколько потенциальных выгод. Во-первых, опыт «холодной войны» оставил в Европе свежую память о враждебной ей России, тогда как вся европейская история – это наглядный урок о тех опасностях, которые несет с собой нестабильность на континенте. Страх того, что экономические проблемы или всеобщее обнищание и народное недовольство могут спровоцировать политическую нестабильность, всегда был сильным аргументом в пользу установления взаимовыгодных экономических отношений с Москвой. Кроме того, европейцы, ни на минуту не забывающие о пяти десятилетиях мирного сосуществования между странами-членами ЕС, начало которому положили прочные экономические связи, безусловно рассчитывают на то, что сильная экономическая взаимозависимость и развитые торговые отношения с Россией и в этом случае сыграют вполне стабилизирующую роль. Эта возможность становится еще более заманчивой, если принять во внимание потенциал России в качестве растущего рынка для европейских товаров и важного источника энергетических ресурсов. Фактически целый ряд новых членов ЕС из Центральной и Восточной Европы уже располагает давно сложившимися экономическими связями с Россией, и поставки российских энергоносителей в эти страны являют собой

¹³ T. Romanova, N. Zaslavskaya, *op. cit.*, p. 86; H. Hubel, *The EU-Russia Relationship: Managing Partnership and Dissent* // „Baltic Defence Review”, No. 12, June 2004, p. 106.

нагляднейший пример такого рода экономической взаимозависимости¹⁴.

Тем не менее, вопреки предсказаниям многих аналитиков, рост экономических связей не ускорил создания тесного политического и стратегического партнерства. Хотя обе стороны выступили с публичными заявлениями о своей поддержке идеи более тесного сотрудничества во всех областях, особенно громко прозвучавшими на петербургском саммите ЕС-Россия в 2003 г.¹⁵, за рамками чисто экономических отношений было предпринято не так уж много шагов. Колебания, проявленные в деле сотрудничества по вопросам безопасности, можно объяснить наличием нескольких факторов. К ним, например, относится приоритетное значение как для России, так и для ЕС их отношений с Соединенными Штатами. Традиционное нежелание Европы идти на какие-либо действия, могущие вызвать неудовольствие со стороны сообщества служб безопасности США, явно ограничило ее способность к дальнейшему сближению с Москвой. Со своей стороны, Кремль, в течение длительного времени рассматривавший руководимое США НАТО в качестве своей главной проблемы в сфере безопасности, уже в силу одного этого обстоятельства по-прежнему склонен отдавать приоритет своим отношениям с Вашингтоном¹⁶.

Хотя соображения такого рода, может быть, и начинают пересматриваться в ЕС, особенно в связи с войной в Ираке, на пути к более тесному сотрудничеству между ЕС и Россией

¹⁴ A. Jones, G. Fallon, *The Political Economy of Co-operation, Trade and Aid Between the European Union and Russia* // „Journal of Contemporary European Studies”, no. 11, November 2003, p. 254; H. Hubel, *The EU's Three-level Game in Dealing with Neighbours* // „European Foreign Affairs Review”, no. 9 (2004), p. 351-352.

¹⁵ На этой встрече были определены четыре «общих пространства» сотрудничества между ЕС и Россией. Стороны договорились тогда о создании «общего экономического пространства», «общего пространства свободы, безопасности и законности», «пространства сотрудничества в области внешней безопасности» и «пространства сотрудничества в области научных исследований и образования» (Т. Romanova, N. Zaslavskaya, *op. cit.*, p. 87-95).

¹⁶ T. Forsberg, *op. cit.*, p. 256-258.

существует еще целый ряд серьезных препятствий бюрократического характера. В отличие от России или США, европейская внешняя политика вырабатывается в процессе дискуссий и компромиссов между несколькими суверенными государствами¹⁷. Этот и без того нелегкий процесс еще более усложнился из-за вступления в Евросоюз государств Центральной и Восточной Европы, традиционно с повышенным скепсисом относящихся к политическим целям Москвы, и российские политики стали проявлять определенное нетерпение в связи с неспособностью ЕС вести переговоры четко и результативно.

Наконец, между Россией и Европой сохраняются разногласия относительно самих основ, на которых должно строиться их сотрудничество. Если постмодернистский ЕС, как правило, ратует за проведение внешней политики, основанной на общих ценностях, Россию по-прежнему больше интересуют общие стратегические интересы. Европейские лидеры всегда склонны с особым жаром обсуждать вопросы, связанные с демократией и защитой прав человека (их любимый конек – это война в Чечне), а также экономические реформы, тогда как российские политики неизменно подчеркивают, что общность интересов Москвы и Брюсселя в области безопасности требует от них достижения политической стабильности на их общей периферии в Восточной Европе, на Балканах и в Центральной Азии¹⁸.

В этой связи примечательно и то, что, хотя Россия и считает себя важным партнером ЕС в деле обеспечения безопасности на континенте, Евросоюз нередко обращался с ней как со странами-кандидатами из Центральной и Восточной Европы, т.е. пытался форсировать проведение реформ и экономическое развитие - с той только разницей, что в случае с Россией ЕС не помахивал у нее перед носом «морковкой» в виде обещаний потенциального членства. Россия уверена, что является ключевым партнером Европы - и точно так же уверен и ЕС, что

¹⁷ *Ibidem*, p. 259-260.

¹⁸ *Ibidem*, p. 261-263.

является ключевым партнером России в деле ее экономического и политического развития¹⁹. Каждая из сторон уверена в своей незаменимости для другой, но не всегда признает незаменимость последней для себя.

США и Россия

Столь же неровно развивались и американско-российские отношения. Но если между Европой и Россией быстро возникли прочные экономические связи, то результаты двусторонних экономических отношений между Америкой и Россией достигались медленно и с трудом. Еще в 2003 г. лишь один процент торгового оборота США приходился на торговлю с Россией, тогда как торговля с США составляла менее пяти процентов торгового оборота России²⁰. Казалось бы, одни лишь размеры России и богатство ее природных ресурсов (страна находится на втором месте в мире по добыче нефти) сами по себе уже служат гарантом развития более тесных экономических связей между двумя сторонами, но в реальности российская экономика не смогла достаточно быстро отвлечь внимание американцев от других рынков в Европе и Азии.

Тем не менее, хотя российско-американское экономическое сотрудничество и не привело к созданию столь же значительных связей, как те, что возникли между ЕС и Россией, политическое партнерство – особенно в нескольких ключевых областях – развивалось более быстрыми темпами. Хотя российская военная мощь по всем своим параметрам безусловно уступает показателям советского времени, имеющийся у России значительный арсенал ядерного оружия не может не вызывать озабоченности как в этой стране, так и в США. Необходимость предотвратить распространение ядерного оружия стала ключевым фактором российско-американского сотрудничества с момента окончания «холодной войны»; этот вопрос и сегодня

¹⁹ *Ibidem*, p. 263-264.

²⁰ С.А. Wallander, *U.S.-Russian Relations: Between Realism and Reality* // „Current History”, October 2003, p. 311.

во многом определяет характер отношений между Вашингтоном и Москвой.

Еще одной областью сотрудничества стала борьба с возросшей угрозой международного терроризма (кстати, одним из направлений этой деятельности являются и принимаемые меры по недопущению распространения ядерного оружия). И Россия, и США признают опасность экстремистского воинствующего ислама, и поэтому их интересы в этом отношении совпадают. С осознанием исламистской угрозы связана и общая заинтересованность этих стран в сохранении стабильности в Центральной Азии. Готовность России согласиться с военным присутствием США в данном регионе в канун кампании против Аль-Каиды и режима талибов в Афганистане обозначила водораздел в американо-российских отношениях и породила определенные надежды, что политика с нулевым исходом, характерная для времен «холодной войны», может быть, начинает уходить в прошлое.

Но всем этим общим интересам и сферам сотрудничества мешает развиваться постоянно увеличивающееся расхождение между риторикой партнерства и ее конкретной реализацией. Во многом, как и в случае с Европой, тесные личные связи между президентами Бушем и Путиным²¹, а также их громкие заявления об общности интересов двух стран зачастую не приводили к тем значительным переменам в сфере политики, которые они, казалось бы, предвещали²². Даже в тех областях, где американские и российские интересы по идее должны теснейшим образом совпадать, неоднократно наблюдались разногласия о характере и происхождении соответствующих угроз.

²¹ Начиная с первой встречи, после которой Буш произнес свою знаменитую сентенцию, что ему удалось «заглянуть в душу Путина», и до недавнего randevу двух президентов, когда те кружили вокруг путинской дачи в классической «Волге» ее хозяина, оба деятеля всеми силами старались продемонстрировать свою взаимоприязнь.

²² S. Oznobishchev, *Russia and the United States: Is 'Cold Peace' Possible?* // „International Affairs: A Russian Journal of World Politics, Diplomacy and International Relations”, 50 (2004), p. 56.

Например, несмотря на то, что Россия и США сотрудничали друг с другом по вопросу о создании ядерного оружия Северной Кореей, российский подход к проблеме разработки ядерных технологий Ираном был значительно более примирительным, чем американский²³. И этот случай не единичный. Вспомним, что в центре усилий США, предпринимавшихся ими в ходе «войны против терроризма», всегда оказывались Ирак и Иран (кстати, обе эти страны издавна имели значительные торговые связи с Россией), тогда как российские лидеры столь же настойчиво указывали на очевидную готовность Америки закрывать глаза на ту роль в финансировании и разжигании глобального терроризма, которую играли такие союзники США, как Саудовская Аравия и Пакистан, и решительно осуждали нежелание администрации Буша включить Чечню в число объектов «войны против терроризма», расширив тем самым само понятие последней. Критика звучала и с другой стороны, и ее не избежала даже «Программа сотрудничества в деле снижения уровня угроз» - краеугольный камень политики, проводимой Вашингтоном в области разоружения и нераспространения ядерного оружия с момента окончания «холодной войны», которая время от времени подвергалась нападкам в Конгрессе США. Если некоторые предложения сократить финансирование этой программы вызваны искренними опасениями, что российская сторона манкирует своими обязательствами в рамках данного соглашения, то в других случаях подобные утверждения играют роль «дымовой завесы» для законодателей, не приемлющих Программу как таковую²⁴.

Возникает вопрос, почему же так часто тормозились усилия, предпринимаемые даже в тех сферах, где американские и российские интересы, казалось бы, должны совпадать самым

²³ Нельзя не отметить, что американское отношение к Ирану отличается крайней жесткостью по сравнению с позицией большинства стран Запада. Тем не менее, готовность России развивать с Ираном деловые связи в области якобы мирного использования атомной энергии свидетельствует об отношении еще более примирительном, чем даже политика «конструктивного сотрудничества», провозглашенная Евросоюзом.

²⁴ С.А. Wallander, *op. cit.*, p. 309-311.

тесным образом. Невзирая на хорошо продуманное шоу, должествующее продемонстрировать примирение двух бывших противников, многие из глубоко укоренившихся подозрений, смоделированных в ходе «холодной войны», сохраняются и поныне. Ни в России, ни в США так и не сложились те основы, на которых только и могут строиться прочные партнерские отношения – «осознание общности целей и решительная поддержка соответствующих инициатив внутри страны»²⁵. Хотя у России и США могут быть отдельные общие интересы, связи между этими странами строятся отнюдь не на основе общих ценностей. А те основы, на которых эти связи все-таки создаются, буквально изрешечены взаимным недоверием и подозрениями, коренящимися в упорно не исчезающем видении мира как игры с нулевым результатом, ведущейся двумя великими державами. Такое мироощущение особенно показательно для России. Даже ее в высшей степени символическое решение не препятствовать США в создании военных баз в Центральной Азии было в значительной степени обесценено российскими страхами, что американское присутствие на этой территории может стать постоянным, обеспечив Соединенным Штатам плацдарм в глубине региона, по мнению Москвы, все еще входящего в ее сферу влияния²⁶.

Внутриполитическое развитие и международные отношения

Если бы американско-российские отношения, а также отношения между ЕС и Россией, развивались теми темпами и столь гладко, как на то многие рассчитывали, едва ли американские и европейские политики занимались бы сегодня дискуссией о необходимости насаждения либеральной демократии в России. Если бы США и Евросоюз устраивал характер их нынешних отношений с Россией, внутренняя политика Путина их,

²⁵ *Ibidem*, p. 307.

²⁶ М. McFaul, *Reengaging Russia*, p. 312; С.А. Wallander, *op. cit.*, p. 307-310.

может быть, и не волновалабы. Для нас более интересен следующий вопрос: а могут ли вообще быть созданы полновесные партнерские отношения в условиях, когда вызывает сомнения сама приверженность Кремля принципу личных свобод и другим постулатам демократии? По мнению многих ученых, внешние отношения той или иной страны коренным образом зависят от того, насколько ее внутренняя политика соответствует принципам либеральной демократии²⁷. Эта взаимосвязь, особенно когда речь идет о создании жизнеспособного стратегического партнерства, вполне заслуживает детального исследования, в том числе и в данной статье.

Учитывая десятилетиями складывавшуюся традицию враждебности между Советской Россией и Западом и еще более длительную историю взаимных подозрений и недоверия, начавшуюся еще во времена царизма, нет ничего удивительного в том, что сомнения относительно вновь складывающихся отношений оказались столь живучими. Не существует никакой исторической основы, на которой могло бы строиться полноценное партнерство, подразумевающее подлинное сотрудничество между сторонами. Если американские и европейские аналитики и надеялись поначалу, что между Россией и Западом начнет развиваться процесс конвергенции, то за последние пятнадцать лет их оптимизм заметно поубавился, как уменьшились и перспективы более широкого и тесного сотрудничества.

Фактически путинский режим, систематически подрывал основы даже того небольшого, что было сделано Ельциным в деле либерализации политической системы. Ведь Путин, признаем сразу, получил в наследство от своего предшественника далеко не полностью функциональную демократию. Тон в путинской администрации стали задавать так называемые силовики – выходцы из советских секретных служб, в чем

²⁷ Хотя Натан Шаранский со своими «Доводами в пользу демократии» (N. Sharansky, *The Case for Democracy*, New York: Public Affairs, 2004) – это самый модный сегодня автор, пишущий в данном ключе, и, как сообщается, его взгляды разделяются некоторыми влиятельными лицами в Белом доме, такого рода доводы приводились уже давно и не им одним.

многие обозреватели с тревогой усматривают свидетельство возврата к прошлому. По некоторым данным, до 75% высших государственных постов занято сегодня теми, кто совсем недавно служил в вооруженных силах и структурах разведки²⁸. Если Ельцин терпел оппозицию и децентрализацию, то Путин «взял на вооружение принцип субординации, иерархического подчинения, подавления оппозиции, контроля за умонастроениями элиты, централизации Федерации и усиления ее унитарного характера»²⁹.

Кроме того, путинская внешняя политика упорно не выказывает никаких признаков отказа от великодержавничества былых времен. Администрация Путина взяла себе за правило использование противоречий между другими игроками на мировой арене, пытаясь с их помощью обеспечить себе непропорционально весомое влияние в сфере международных отношений³⁰. Хотя в глазах Путина это может выглядеть правильным подходом к разрешению того парадокса, когда Россия одновременно признает снижение своего статуса и все-таки пытается заполучить статус великой державы, такая тактика зачастую трактуется ее партнерами по переговорам как двуличная и не вызывающая доверия дипломатия³¹. Когда

²⁸ J. Sleivyte, *op. cit.*, p. 62-63.

²⁹ T. Beichelt, *op. cit.*, p. 122.

³⁰ Этот подход был ярко продемонстрирован Москвой в ходе ее контактов с Европой и США по поводу войны в Ираке. Хотя Путин с самого начала симпатизировал Франции и Германии, возражавшим против американского вторжения (позднее он напрямую примкнул к ним в этом вопросе), его администрация сделала ряд неудавшихся увертюр в адрес Соединенных Штатов, долженствовавших показать, что российские возражения не столь уж твердокаменны и что Кремль, может быть, будет готов пойти на попятный в этом споре – разумеется, за соответствующую плату. Российское правительство также использовало подобную тактику в своих отношениях с Европой, связанных с подписанием Киотского протокола: согласия России было тогда достаточно, чтобы это соглашение вступило в действие. И снова российская тактика ударила по ней самой, так как Евросоюз в ответ заявил, что вступление России в ВТО будет зависеть от того, одобрит ли она Киотский протокол. И правительство Путина, в конце концов, это соглашение ратифицировало.

³¹ M.N. Katz, *Exploiting Rivalries: Putin's Foreign Policy* // „Current History”, October 2004, p. 337-341; H. Hubel, *The EU's Three-level Game*, p. 353; H. Hubel, *The EU-Russia Relationship*, p. 107.

отношения уже отравлены ядом подозрений, производимое Россией впечатление, что вящего престижа ради она готова продать свою политическую поддержку любому, кто больше заплатит, отнюдь не прибавляет оптимизма скептикам.

В свете всего вышесказанного главный вопрос должен заключаться не в том, следует ли США и ЕС форсировать насаждение либеральной демократии в России, а в том, есть ли у них, собственно, иной выбор. Тезис о том, что более авторитарное Российское государство, управляемое Путиным или его преемниками с аналогичными взглядами на власть, может быть, породит на свет режим не вполне демократичный, но зато более стабильный и Запад с этим режимом сможет тесно сотрудничать, весьма и весьма сомнителен. На чем в таком случае будут строиться при отсутствии общих ценностей, необходимой частью которых является либеральная демократия в России, партнерские отношения между этой страной и США или ЕС?

Российский подход к международным делам нередко предполагал стремление к сотрудничеству на основе общих интересов. Расширение ЕС настолько передвинуло на восток рубежи Европы, что теперь Евросоюз получил с Россией общую границу и у них появились общие соседи. Без сомнения, и Европы, и России напрямую касается все то, что происходит в Восточной Европе, на Кавказе, на Балканах, в Центральной Азии и т. д. Но, хотя оба этих игрока безусловно заинтересованы в стабильности в данных регионах, их взгляды на стабильность и на то, каким образом сей стабильности следует добиваться, по-видимому, постоянно расходятся.

Если говорить о каком-то общем впечатлении от кризиса, связанного с выборами на Украине в конце 2004 г., то оно сводится к тому, что Европа и Запад решительно встали на сторону демократических реформ, тогда как Россия упорно цеплялась за «старую гвардию». Разумеется, обе стороны поступили таким образом, исходя из интересов стабильности, но результаты, к которым они стремились, были прямо противоположными. Дружеские отношения Путина с авторитар-

ными правителями в Белоруссии и Центральной Азии, а также активное стремление Москвы всегда и всюду учитывать лишь собственные интересы - что весьма часто сопровождается прискорбным вмешательством в дела суверенных, казалось бы, государств, некогда относившихся к советской сфере влияния, - явно предвещают продолжение разногласий, и стычка из-за Украины едва ли останется в этой связи единичным инцидентом.

США и Россия, хотя и не расположены в такой географической близости друг от друга, как Россия и Европа, имеют целый ряд важных общих интересов, связанных с обеспечением стабильности во многих ключевых областях. Размах международного терроризма и ближневосточные связи террористов делают проведение адекватной внешней политики в этом регионе чрезвычайно важной задачей как для Америки, так и для России. Но и тут мы едва ли вправе утверждать, что американский и российский подходы к решению этой проблемы полностью совпадают. Именно с тех пор, когда администрация Буша вплотную занялась насаждением демократии в данном регионе, вашингтонская стратегия в мусульманском мире стала развиваться в направлении, противоречащем традиционным приоритетам российской внешней политики. Продемократическая риторика, раздающаяся из Вашингтона, без сомнения, имеет неприятную тональность с точки зрения российской администрации, гораздо более заинтересованной в сохранении статус-кво и своего влияния, чем в поддержке глубоких реформ, основанных на абстрактных принципах либерализма. Если народные выступления, недавно прокатившиеся по Украине, Ливану и Киргизии, распространятся на еще не охваченные ими части Центральной Азии, это поставит под угрозу режимы, с которыми Россия имеет давние теплые отношения. В долгосрочной перспективе приверженность США распространению демократии может видаться российскими лидерам даже как угроза самому кремлевскому режиму, который, по-видимому, все меньше и меньше заинтересован в том, чтобы следовать общепринятым принципам

демократического правления и хранить верность его институтам.

С первой своей встречи Буш и Путин не устают повторять, что между ними возникли прочные личные связи и они питают друг к другу чувство глубокого уважения. К сожалению, симпатиям этим не было дано перерасти в основополагающее сотрудничество. Перед лицом попыток Путина сосредоточить власть в своих руках администрация Буша, по-видимому, часто не могла решить, с какой силой ей следует давить на своих российских коллег в вопросе о демократических преобразованиях. После бесланских событий правительство Путина провело ряд реформ, на которые администрация Буша откликнулась выражением определенного беспокойства по поводу развития ситуации в России, однако тон ее заявлений, как правило, был весьма далек от конфронтационного³². На встрече между двумя лидерами, состоявшейся в феврале 2005 г. в Словакии, Буш вновь затронул эту тему, но заверения Путина, по крайней мере на первый взгляд, его, кажется, успокоили. Оба политика заявили о своей решимости не допустить, чтобы имеющиеся разногласия поставили под угрозу развитие общего сотрудничества между двумя сторонами³³.

В мае 2005 г. администрация Буша вроде бы заняла более жесткую позицию в отношении Путина, составив график визитов американского президента таким образом, что посещение им Москвы для участия в празднованиях по поводу 60-й годовщины окончания второй мировой войны в Европе оказалось вклиненным между его поездками в Латвию и Грузию - две бывшие советские республики, после обретения незави-

³² W. Schneider, *Putin's Power Grab* // „National Journal”, 25 сентября 2004, р. 2940.

³³ На пресс-конференции, состоявшейся по итогам саммита в Братиславе, Президент Буш говорил о вопросах, поднятых им в ходе этой встречи, и выразил свое удовлетворение тем, что Путин «заявил о своей абсолютной поддержке дела демократии в России» (G.W. Bush, V. Putin, *The President's News Conference With President Vladimir Putin of Russia in Bratislava* // „Weekly Compilation of Presidential Documents”, 28 февраля 2005, р. 315-321.

симости от Москвы вставшие на путь либеральной демократии. Неодобрение такого графика, энергично высказываемое путинской администрацией, явилось еще одним подтверждением того, сколь различными концепциями глобальной политики руководствуется Америка и Россия. Если администрация Буша проводит внешнюю политику, в значительной степени исходящую из либеральных ценностей, и видит в демократии стабилизирующую силу, администрация Путина упорно стремится к сохранению своих сфер влияния, тем самым осуществляя политику, типичную для времен «холодной войны». Поэтому одни и те же события могут видаться двумя сторонами абсолютно по-разному: США – как способствующие стабильности, а Россией – как дестабилизирующие, поскольку они ставят под угрозу влияние Кремля и его способность к вмешательству в политику своих соседей. Хотя американские и российские руководители в своих рассуждениях о международной стабильности и могут пользоваться одинаковой риторикой, цели, к которым они стремятся, зачастую являются диаметрально противоположными.

Практикуемый администрацией Буша (обычно взвешенный) подход к России, призванный не повредить хотя бы тому, что уже создано в области стратегического сотрудничества, вполне возможно, отражает лишь сложность отношений со смятенной страной, располагающей потенциально сокрушительным арсеналом ядерного оружия. Совершенно очевидно, что правительство США не может пойти на риск полного отчуждения путинского режима (или его вероятного преемника), ибо даже самое узко направленное сотрудничество по вопросам нераспространения ядерного оружия и разоружения все же предпочтительнее враждебности или полного отсутствия сотрудничества. Тем не менее, хотя риторика, ведущаяся обеими сторонами, неизменно ставит на первый план развитие все более тесного партнерства, возможность достижения этой цели, по всей видимости, неразрывно связана с формированием общих политических ценностей. Но шансы на такой исход становятся все более умозрительными с

каждым новым российским вмешательством в дела «ближнего зарубежья» и с каждым новым витком централизации власти в Москве. Чтобы дело не ограничивалось пустыми разговорами о достигнутых успехах, России следует полностью воспринять принципы либеральной демократии, тем самым заложив основы для развития двусторонних отношений с Соединенными Штатами. В противном случае дружеская риторика, звучащая из Москвы и Вашингтона, так и останется «дымовой завесой», за которой по-прежнему будет скрываться несовпадение, а часто и прямое противоречие политических целей, отражающих крайнее различие в ценностях, исповедуемых как населением, так и политическим истеблишментом двух стран. С этой точки зрения своими вялыми и редкими проявлениями озабоченности положением дел с развитием российской демократии администрация Буша оказывает «медвежью услугу» и себе самой, и России.

Отношения между ЕС и Россией также осложнены проблемами, вызванными нехваткой общих ценностей. Внешне Россия и Евросоюз выглядят естественными геополитическими союзниками, особенно если учитывать заинтересованность франко-германской оси в возврате к многополярной международной системе. Если ни один из этих игроков пока не способен в одиночку бросить вызов американской гегемонии, то, объединив свои силы, они могли бы составить весьма весомый противовес глобальному влиянию США. Несмотря на многочисленные свидетельства того, что многие политики и в Брюсселе, и в Москве считают такой род партнерства оптимальным вариантом, дело и тут продвигается с трудом – и опять же из-за отсутствия общих ценностей. Россия куда больше заинтересована защитой принципа национального суверенитета и, соответственно, считает, что ее внутренние дела – это одно, а иностранная политика – это совсем другое; тогда как европейские политики всерьез озабочены соблюдением Россией прав человека и степенью ее приверженности

нормам либеральной демократии³⁴. Учитывая, что со вступлением в ЕС Центральной и Восточной Европы эта организация получила новую дозу скептицизма и подозрительности в отношении России, упомянутая разница в ценностях, скорее всего, будет и впредь мешать развитию более тесного политического сотрудничества, которое, безусловно, пошло бы на пользу обеим сторонам.

В последнее время «великая дискуссия», введущаяся в Европе и США по вопросу о правильном подходе к отношениям с Россией, сосредоточилась на предполагаемой возможности выбора между лоббированием демократизации и развитием стратегического партнерства, основанном на политической стабильности в России, даже если эта стабильность достигается недемократическими методами. Однако весь опыт последних пятнадцати лет свидетельствует о том, что возможность такого выбора может оказаться иллюзорной. Несмотря на всю высокопарную риторику и ожидания, возникшие после окончания «холодной войны», развитие подлинного сотрудничества между Россией и Западом шло медленными темпами и часто оказывалось малопродуктивным. Когда отношения не имеют под собой прочной исторической основы в виде взаимодоверия, столь обескураживающие результаты не должны вызывать ни толики удивления. Когда речь идет о преодолении этой традиции недоверия, развитие подлинно либерально-демократической системы в России – это не просто желательная, но и абсолютно необходимая предпосылка к достижению данной цели. Если такой предпосылки не будет создано, едва ли американо-российские отношения, а также отношения между ЕС и Россией смогут когда-нибудь выйти за рамки узкоспециализированного и слабоинтенсивного сотрудничества, которым было отмечено последнее десятилетие.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод неавторизованный)

³⁴ Т. Romanova, N. Zaslavskaya, *op. cit.*, p. 87-95; Т. Forsberg, *op. cit.*, p. 248-263.